

«СИБИРЬ МЕНЯ НЕ ЗАБУДЕТ»

Сегодня на здании краеведческого музея будет торжественно открыта мемориальная доска Ростиславу Сергеевичу Ильину. Отдел Западно-Сибирского геологоразведочного треста, где работал Ильин, размещался в 30-е годы в помещении музея.

Ростислав Ильин - палеонтолог, геолог. Но вот так просто обозначить профессию, в данном случае почти ничего не сказать.

Нет, Ильин действительно добросовестно выполнял прикладные задачи, исследуя и описывая регион, куда он попал не по своей воле. Его «Природа Нарымского края» - образец глубокого, досконального исследования. Но Ильин был не только практик. Это ученый в старинном значении слова - всесторонне образованный, имеющий свою целостную концепцию и картину мира. У Ильина она была - смелая, спорная, оригинальная.

В первой половине минувшего XX века он сооставил в своей сфере с Владимиром Вернадским. Они, кстати, были знакомы. Их связывала переписка - равного с равным (изъята органами НКВД и в большей части утрачена).

Но зато архивы этой организации сохранили другое.

Полстаем некоторые документы. 14 августа 1954 года на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е.Ворошилова было отправлено письмо от Веры Сергеевны Ильиной. Она сообщала, что в 37-м ее брат Ростислав был осужден на 10 лет без права переписки. «Мне представляется невероятным, - писала она, - чтобы человек в Советском Союзе мог исчезнуть бесследно. Я хотела бы знать, жив ли он и где находится. Если он жив, прошу Вас облегчить его участь».

Ростислав Сергеевич давно уже не был жив. Его расстреляли в 37-м. Но для всех знакомых именно исчез бесследно. Ведь это позднее стало общеизвестным значение фразы «10 лет

без права переписки». А Вера Сергеевна надеется на лучшее, прилагает к письму отзыв академика Полыновского о научной работе брата. И академик дает прекрасную характеристику и полагает, что Ильин «из числа возможных кандидатов на кафедру почвоведения Почвенного института Академии Наук ...является одним из достойнейших».

Одним завершу молчать, будто воды в рот набрали. 23 сентября Вера Ильина пишет Председателю КГБ И.Серову. Ей обещают сообщить о результатах пересмотра дела и... опять молчат. 2 февраля 1956 года она вновь обращается к Ворошилову: «...до сих пор я не получала о моем брате никаких сведений».

И вот колесо расследования наконец запущено. В Томске начинается опрос людей, помнивших Ильина. Люди осторожны в высказываниях. Привыкший десятилетиями страх не отпускает.

И все-таки Ильина достойно характеризуют геологи И.Мягков и А.Сивов. Геолог Ф.Кузнецов не может «дать характеристику из своих личных впечатлений», поскольку вместе не работал, однако свидетельствует, что был на лекции Ростислава Сергеевича и на диспуте с академиком Усовым, «из чего сложилось мнение, что Ильин глубоко убежден в своих концепциях».

Геолог, зав. кафедрой полезных ископаемых Александр Аксарин: «Я могу сказать, что Ильин был держащим в науке человеком, опытным исследователем, имевшим пылкий ум, авторитетным в научном отношении».

Никто не признает за Ильиным каких-либо антисоветских настроений.

15 мая 1956 года отделением военного трибунала СибВО постановление тройки УНКВД Запсибкрая от 10 августа 1937 года в отношении Ильина Р.С. отменено, и он посмертно реабилитирован.

Но тогда, в 37-м, были найдены «свидетели» другого свойства или их сделали таковыми в заседаниях НКВД. Научный сотрудник ботанического сада ТГУ А. Новак подробно рассказывает, как он по рекомендации эсера Донского сошелся в Томске с Ильиным и создал в ботсаду террористическую группу. Он рассказывает это на очной ставке с Ростиславом Сергеевичем, и следователь почти торжествует:

- Признаете ли себя виновным в этом?

- Ни в кой мере, - отвечает Ильин. - Заявление Новика - ложь и предательство.

Он отказывается подписывать протокол оной ставки (как и в случае со свидетелем Г.Трошкиным). Начальник 4 отделения Томского горотдела НКВД лейтенант госбезопасности Андричевский и сотрудник отделения Фоменко составляют акт по поводу этого отказа.

Строптивый им попался арестант. Не зря, как вспоминал тот же Кузнецов, «по своему характеру Ильин был очень резок, за что его прозвали «Ростиславом Немцовым».

Да ни уже и примык, что органы постоянно дергают его и мешают работать. Впрочем, предмудшие отсиживания он проводил с пользой для дела - обдумывал и писал. В заявлении томскому прокурору после ареста 1931 года он так и говорит: «Мой безупречный стаж советского специалиста не прерывался за время моего пребывания в тюрьмах, он не прервется и в будущем, - были бы здоровье и силы».

Убежденность в необходимости своего труда, одержимость идеями, творчеством позволяла ему воспринимать аресты и заключение под стражу просто как досадные помехи на избранном пути.

Вот и ещё об этом в письме к поэту и художнику Максимилиану Волошину: «В бессонные тюремные ночи я понял то, что на самом деле так просто, как и закон всемирного тяготения, и вместе с тем так сокровенно. Моя тема велика, написать её в моих условиях, - не просто, - но знаю, удастся ли разработать.. Я послал основные положения в печать, - они так просты, что за них схватятся все живые люди и сумеют их разработать...»

Может, кому-то покажется неожиданным адресат почтоведца и геолога. Но сам Ильин поясняет: «Я как естественный сын много обязан Вам и другим русским поэтам, постигавшим Хаос и Космос».

Ильин, как вспоминает его жена Вера Валентиновна, «делаю людей на две категории: одним жизнь дана, другим - задана. Попадая на новое место, он первым делом задавал себе вопрос: «Зачем судьба закинула меня сюда?».

Вероятно, оказавшись в наризмской, а затем томской ссылке, Ростислав Сергеевич спросил себя об этом и ответил прятн-

ческими делами, научными работами. В докладной записке 1932 года он уверенно зарисовал перспективы Западной Сибири как нефтяного и газового региона, И обосновал это в статьях «Об условиях нахождения нефти в Западно-Сибирской низменности» и «К проблеме сибирской нефти».

В уже упомянутом заявлении томскому прокурору Ильин написал: «Я все время работал, получая нравственное удовлетворение, и всегда буду вспоминать Сибирь с благодарностью, равно как и она меня не забудет».

Открытие памятной доски - свидетельство того, что мы не забыли Ростислава Ильина.

Но это лишь начало. Многие блестящие работы ученого до сих пор остаются неизданными.

«Томский вестник»,
4 декабря 2002 года.